

КАТЕРИНА НЕВСКОЕ ОБЛАКО
ДМИТРИЙ РАЕВСКИЙ

16+

An abstract graphic composed of overlapping, translucent, wavy shapes in various shades of green and light blue. The shapes resemble stylized waves or flowing fabric, creating a sense of movement and depth. The colors transition from light blue on the left to a more vibrant green on the right.

ВОЛНЫ

Катерина Невское Облако
Дмитрий Раевский
Волны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648927

SelfPub; 2019

Аннотация

Всё живое растёт, утрачивая и приобретая. Но есть вечные ценности, непреходящие, незыблемые, и мы, Авторы этого сборника стихотворений "Волны".

Содержание

КАТЕРИНА НЕВСКОЕ ОБЛАКО	5
ПРОИЗВЕДЕНИЯ	6
ДМИТРИЙ РАЕВСКИЙ	32
ПРОИЗВЕДЕНИЯ	33

КАТЕРИНА НЕВСКОЕ ОБЛАКО

Пишу стихи с детства.

Живу в Санкт-Петербурге, работаю гидом, говорю на 3 иностранных языках.

Я – резидент проекта «Литературная гостиная», часто выступаю на разных площадках в северной столице, иногда – в других городах (Выборг, Великий Новгород и др.)

В 2019 году вышел сборник стихотворений «Воля».

В этих стихах нет никакого «поучения», нет советов, как правильно жить. В них я. То, что я чувствовала, то, о чем я думала. Тогда мне было важно сказать об этом. И возможно, сейчас кто-то найдёт в моих строках нечто похожее на собственные переживания. Пусть это нас объединит и сделает сильнее! Знать, что ты не один – что может быть важнее и нужнее?

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

* * *

Мне никак не придумать ему название –
Пусть останется сиротой неудавшийся стих.
Ты смеялся, дрова в мой костёр подкладывал –
А ведь только ты-то и мог бы меня спасти.

Отказалась б от имени, славы я,
Чтоб остаться с тобой на тернистом твоём пути.
Ты смеялся, когда я молилась за здоровье –
А ведь только я и могла бы тебя спасти.

Рук не жали – так, просто раскланялись,
Разошлись, растворились в прогорклой пыли.
У истории этой не будет совсем названия:
Безымянные тонут быстрей корабли.

* * *

Камни в закате – теплее моей руки.
Ветер в лицо, впереди – только море.
Как хорошо, что умею писать стихи
И могу тут сидеть и смотреть на город,
И не нужно совсем ничего объяснять.

Я – поэт, я пишу, мне плевать на законы и бренды.
Если в этой вселенной я где-то воскресну опять,
Я хочу быть поэтом, на пляже смакующим бренди.

* * *

Сейчас бы открыть глаза – а ты просто спал,
Заснул как обычно на физике.
И это вот все – это просто твой вымысел,
И самое худшее – двойка в журнал.

Сейчас бы открыть глаза – а ты просто спал,
Там, во дворе, на скамейке.
И кончаются не силы, а переменка,
И тебе за сменкой идти в спортзал.

Сейчас бы открыть глаза – а ты просто спал,
И сейчас – твой любимый две тысячи пятый.
Ты богат, у тебя две жвачки под партой.

Открываешь глаза.
Ты не спал.

* * *

Купол Дуомо,
Так нежно знакомый,
Мне в сердце глядит, смеясь.

Он знает: я здесь, как дома.
Со звоном его колокольни
Влюбляюсь в него опять.

Да разве есть счастье, кроме
Извилистых улочек сонных,
Пустынных в рассветный час?

Под гимн флорентийского грома
Целую тебя, Дуомо,
Твою белоснежную статью.

Любить – это значит тонну
Стихов тебе, пылких и томных,
Всю жизнь не устать посвящать.
Каррарско-сиенское соло
Мне горло сковало комом.
Я буду тебе молчать.

* * *

Кукловод подбирает подруг по цвету:
К черным джинсам подходит худая брюнетка,
К светлым брюкам подходят разные,
В идеале – голубоглазые.

К красной тачке идут исключительно рыжие

Да фигуристые – а то стыдно же.

К деловому костюму – блондинку в коктейльном платье,

и прекрасно, если с подругой – понтов добавить.

Ну, а если под виски на голое тело, –

девочки! welcome все сразу, если вы смелые!

Кукловод обзаводится новым тряпьем,

А глупышки сидят и рыдают о нем.

* * *

Я нашла для тебя название: благодать.

Над Онегой закат – словно подпись бога.

Я ждала этой встречи мучительно долго,
а теперь я пришла, чтоб с тобой молчать.

Тишина разливается медом по всей земле.

Здесь такие места, что священны и вязкие топи.

Русский Север красивый, крещённый и кроткий,

И лишь небу известно, сколь силы в его стреле.

* * *

Завернёшься в пушистый и теплый плед,

будешь лечиться покоем и музыкой.

Вечность заснула, и времени – нет.

Пахнет айвой и арбузами.

Все суетятся – пришел сосед:

Яблок привез полкузова.

Ты – первоклашка шести с половиной лет

и незнакома с музами.

В полдень вприпрыжку бежишь за стол,

нюхаешь воздух над супницей.

В доме – скрипучий и чистый пол,

дверь нараспашку на улицу.

Ты просыпаешься.

Это счастливый сон.

Всё, о чем думаешь, – сбудется.

* * *

Леденеешь, зубами стучишь от холода.

Жизнь – сложнее сигнала от провода к проводу,
Жизнь – изысканней этого города
И никогда не молчит.

Небо не слышит бессвязного ропота –
Ты потеряешься в грохоте топота,
Что на проспектах лавинным рокотом
Ночью и днем рычит.
Вот ты стоишь, весь продрогший и крохотный.
Голос твой слышит лишь Бог. И ты.
В мире, который совсем не прощает промахов,
Мы навсегда ничьи.

* * *

Скоро ноябрь, весь этот вечный стресс,

кофе, бессонница, опоздания,
Чувство, что кончилось время чудес,
Несмотря на твои старания.

Скоро ноябрь, небо серее всех неб,

голые ветви, скрипящие черными пальцами

и в довершение – слякоть, засохший хлеб,

куча работы и чудовищная прокрастинация.

Скоро ноябрь. волю в кулак возьми,

повоюй еще с целым светом да выживи!

Стоит только начать,

Стоит только подняться с земли,

как глядишь – и не хватит простора над крышами!

* * *

Я когда-нибудь вырасту и пойму,

Что всему есть цена, и придется ее платить,

Что порой можно просто пройти по дну,

Чем, рискуя оставшейся храбростью, плыть.

Я когда-нибудь вырасту и прощу

Всех, кто пачкал меня безрассудно злом,

Всех, кто ломанному грошу,

Подавал королевский приём.

Я когда-нибудь вырасту, рассмеюсь

над завистниками весело, звонко.

Но пока что я – маленькая девчонка,

и мне больно нести этот груз.

* * *

Я сижу за столом, на котором бумажек стопка,
ручки, книги, блокноты, надорванная тетрадь.
Мне бы сесть за работу, но я, идиотка,

принимаюсь
снова
тебе
писать.

Пальцы прыгают акробатами, мнутя клавиши,
мысли скачут наперегонки и друг другу наперерез.
Если я потяну нашу ссору за краешек,
Вдруг она упадет и исчезнет, опоры без?

Мои письма к тебе плачут с экрана так умоляюще,
Словно над ними завис неминуемый крест.
Но по логике гордости самая частая клавиша

в этом письме – заключительное

и длительное «backspace».

* * *

Выйди из комнаты, ошибайся, сожги мосты,

искалечь все блокноты рисунками из души,

изломай все фломастеры, карандаши,

пусть единственным, кто не сломается, будешь – ты.

Выйди за рамки, пощечиной краску – в холст!

Жги своё топливо, чтобы гореть внутри.

Если кричишь, то уж так, чтобы этот твой крик

Было слышно за десять десятков вёрст.

Выйди, выбегни из себя, хватит сидеть в углу,

Вытрави страх, весь этот лишний груз.

Если ты уже мёртв, то откуда под кожей пульс?

Если мост уже тлеет,

то глупо стоять на мосту.

* * *

Коридор. И тот самый свет.

Ты идешь, и от страха немеют колени.

Тебе, кажется, еще недостаточно лет,

Чтобы ты становился тенью.

Свет все ближе. В гортани – ком.
Кажется, там, на земле – неплохо.
Шаг вперед. За порогом – балкон
И морщинистый профиль Бога.

Бог устало кивает и лезет в карман –
Зажигалка и сигареты.
Говорит: «Ну, рассказывай, старина.
И давай не тяни с ответом».

И ты что-то бормочешь про старых друзей,
И про то, что старался быть добрым.
Бог зевает, бокал с чем-то терпким дает: «Пей,
Ты сегодня в гостях у Бога».

Поворачивается, серый бросает взгляд,
Тушит недокуренную сигарету.
Говорит: «Возвращайся-ка ты назад.
Тебе рано менять планету».

Просыпаешься.
Выдыхаешь: всё это – сон,
Помесь фантазии с бредом.
Одеваешься – воздухом подышать,
Толкаешь дверь на балкон –

И видишь морщинистый профиль соседа.

И в руке у него – сигареты,
А за пазухой – черный ром.

* * *

Красное пенится в стройном бокале,
Каплей кровавой кольцо горит.
Сами друг друга к себе привязали,
Спрятав за пазухой динамит.

Пальцы слегка отшлифованы красным,
Алая смерть на моих губах.
Мы от рождения взрывоопасны!
Дело не в динамитных парáх!

Веки вуалью покрылись пунцовой.
От злости пульсирующей или от слез?
Болью прорезалось острое слово,
Едким ответом на мой вопрос.

Красными стенами красного бара
Мысли сжимаются, душат свинцом.
Слышишь шипение тихое справа?
Ариведерчи.
Я выдернула кольцо.

* * *

Никогда не живя – никогда не умрешь,
Будешь мучить бессонницу танцами.
«Ты живешь один раз» – величайшая ложь!
Вы забыли про реинкарнацию.

Все послания телика стоят грош –
А с катушек сорвали нацию.
«Никогда не живя – никогда не умрешь» –
Ура бессмертной прокрастинации!

Вы забыли, как это – в дикий дождь
Босиком ковылять до станции.
То – неправильно! То – не трожь!
Нас сковали наручники-санкции.

Мы забыли, как это – страх,
Мы вселенную лапаем пальцами.
Нас убьют – возродимся в стихах.
Мы-то знаем
Про реинкарнацию.

* * *

Возвращаясь домой, почему-то подумала:
Было бы здорово просто нажать звонок,

И чтобы кто-нибудь кинулся со всех ног
Дверь открывать, торопился безумно бы.

Чашку горячего кофе поставил бы,
Скатертью выстелил стол.
Чтобы кто-то меня, наконец, нашел,
Наперекор всем законам и правилам.

Возвращаясь, ключами звеню металлически,
Привычно шагаю в свою темноту,
Ищу выключатель где-то внизу,
Квартиру бужу электричеством.

Дом у меня – одноместный и маленький,
А на двери – самый крепкий замок.
Мысли про «кофе» и «со всех ног»
Забылись под мерной пение чайника.

* * *

Я заплатила десятком часов,
Прыгнув сквозь время Боингом.
Глядя на озеро моих снов,
Я понимаю: оно того стоило.

Я заплатила лавиной сил,
По поднебесью шарахаясь до ночи,

Чтобы увидеть, как спит богатырь,
Весь ледяною покрывшись корочкой.

Я заплатила конвертом купюр:
Нам иногда быть приходится щедрыми,
Чтобы, покинув родной Петербург,
В дом поселиться под кедрами.

В жилах от счастья кипела кровь,
Я любовалась сибирским воином.
Вдруг растеряв весь сундук своих слов,
Я повторяла: оно того стоило.

* * *

Трещина, полная льда,
Горами по краю скована.
Это способно свести с ума –
Тихо, неслышно, по-своему.

Кедры и сосны, крутой обрыв,
Зеркало спящего озера.
Я разыграла, себя позабыв,
Карту последнего козыря.

Все подарил, ничего не взял,
Сердце от счастья согрелось.

Я полюбила тебя, Байкал,
За красоту и щедрость.

* * *

Давай назовем в честь друг друга детей

Да на этом и успокоимся.

Из всех наших счастливых совместных дней

Не получится даже пояса.

Между нами – хотя и не пропасть, но даль степей:

Двенадцать часов поездом.

И не поможет тут хлипенький мост над ней,

И тем она хуже пропасти.

* * *

Стекло-бетонное сердце города

Рыже, как апельсиновый сок.

По трубочкам улиц в разные стороны

Автомобильный сверкает ток.

Я этот город видела чопорным,

Нервным, циничным и злым.

А с 9 километров он выглядит крохотным

И беззащитным таким.

Город питается электричеством,

Душами и позвоночками тайн.

Я нагостилась здесь, Ваше Величество.

Прощай.

* * *

Хватит друг друга мучить –

Пускай всё решает случай.

Уходишь искать получше.

А я тебя не держу.

Над головой моей – тучи.

Уму меня жизнь не учит,

Но я по себе – везунчик

И запасной парашют.

А жизнь – не сложнее Тамагучи:

еды и одежды кучи –

хоть Дольче Габбана, хоть Гуччи,

хоть южнокорейский шут.

Ты внешне – большой и могучий,

Во всем уникальный и штучный,
Тебе бы Монро и Белуччи,
А не полукровку из юрт.

Но знай: притяжения жгуче,
Чем нашей любви наручник
Ни Шерлоки, ни Веспуччи,
Ни Пуаро не найдут.

* * *

Съемные комнаты часто бездушно-безлики.
Им не нужно ничей охранять секрет.
Эти стены – как выпотрошенные книги,

раздвигают колени, как только включаешь свет.

В равнодушно зевающей пепельноглазой коробке,

под квартиру причесанной, жил больше года назад и ты.
Там визжал под ногами паркет, вышибало пробки,
А с картины над дверью на нас удивленно глазели коты.

Год пронесся грохочущей, шумной каретой.
Я целуюсь у бара с высоким совсем-не-тобой.
Наше прошлое лето пустым показалось бредом,
Наша прошлая жизнь затянулась, как ранка,

как лужи зимой.

Съемные комнаты... те еще проститутки!
Им без разницы, он здесь живет, или ты.
Я смеялась до слез; это лучшая шутка –
Приходить не к тебе в ту же комнату, где когда-то
на визжащий паркет удивленно лупились коты.

* * *

В воздухе плавают ложь, так, что хочется закрыть уши.
Лицемерие – самый топовый аксессуар.
От презрительных взглядов человек не становится хуже,
Как от цифры в паспорте не становится стар.

Ожидания – проблема всегда ожидающих.

Если сел в самолет до Москвы – то приедешь в Москву,
а не в Рим.

Думаю, в этом мире для каждого есть пристанище,
И есть смысл его искать, а не слёзно проситься к другим.

* * *

Степень близости не передать математике –
это сложней наук.

Дороже, чем треугольники и квадратики
форма любимых рук.

Вы всё на формулы силы тратите.
Я верю в силу букв.
Я бы услышала даже с глубин Атлантики
шепота твоего звук.

Я до любви твоей, видишь, жадина –
Мне бы её целый тюк!
Только на сердце не от любви ссадина,
а от неизбежных мук.

* * *

Забудь своего маленького поэта –
Она никогда не была твоей.
Впереди – огромное и золотое лето,
девянсто счастливых дней.
Не трать дорогие секунды
на шепот её и смех.
Ты стал закалённым и мудрым,

и думать тебе о ней – грех.
Забудь вездесущее имя –

оно бы не стало твоим.

Но, если пути все – до Рима,

то эта девчонка – твой Рим.

* * *

И сама ты с севера, незнакомка,
И голос твой такой же хрустально-звонкий,

как только что выпавший снег.

Среди всех северно-ледовитых сияний
Мне всегда больше нравилось твоё – карее,
Потому что в глазах твоих – смех.

И сама ты задорная и наивная,

как кувшинки в пруду под ивами,

и по венам – березовый сок.

Оставайся таким же порохом!
Твоё имя впишу на иконах я,
Потому что в душе твоей – Бог.

* * *

У них там футбол в разгаре,
да так, что весь матч карауль,
просиживай вечер в баре...

А у меня – июль.

У них там пенальти, ворота,
кокошники и петухи,
и гол на минуте сотой...

А у меня – стихи.

И как перепрыгнуть пропасть,
найти переправу нам – как?

У них интересы – гвозди,

а у меня – Ремарк.

* * *

Знаешь, этого не передать словами.

Это похоже на нежность, только еще светлей.

Это как солнце над нашими головами,

как в декабре – апрель.

Это почувствуешь только кожей

и чем-то пульсирующим внутри.

Каждая клеточка мелкой дрожью

воспламеняется и горит.

Знаешь, этого не передать словами,

но, кажется, этому нет конца.

Я уловила это признание

в чертах твоего лица.

* * *

Мир без тебя неуютен, шероховат,

то слишком узок, то широковат.
Вынуть тебя – так сразу и шах, и мат,
не хочется ни Синдбадов, ни Шахерезад,
не хочется ни эклеров, ни шоколад –
А хочется, чтобы ты был спокоен и рад.

* * *

На тот случай, если совсем всё пойдет кувырком
с высокой горы, с обрыва –
У меня есть план Б: старый низенький дом,
весь заросший сиренью с крапивой.
Чтоб остаться там, нужно просто прийти –
нараспашку всегда ворота.
Здесь заваренный кофе – часов так с шести,
круглосуточно – сон и забота.

Здесь, возможно, и спросят – а туг ли мой кошелек,

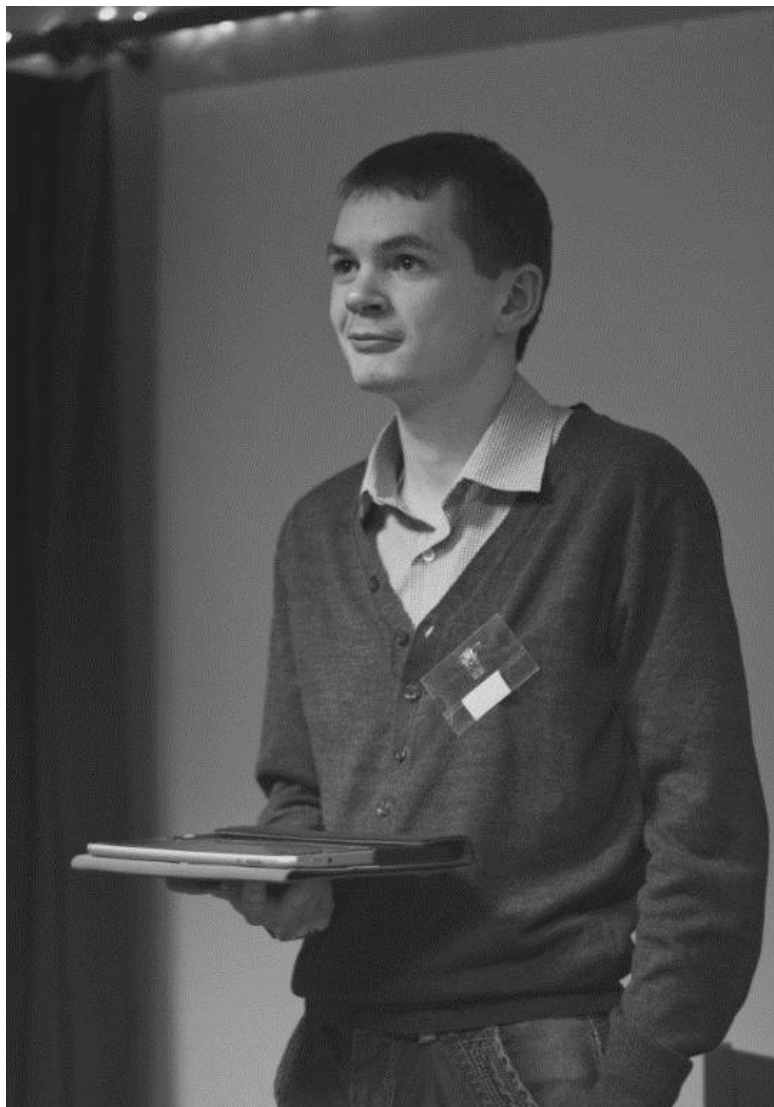
но с единственной целью – пополнить кассу.
Здесь, как только я прихожу на порог,

в доме всё просыпается сразу.

На тот случай, если всё в жизни – вверх дном,

если почти исчерпались силы,
Мне убежищем будет тот самый далекий дом,

весь заросший сиренью с крапивой.

ДМИТРИЙ РАЕВСКИЙ

Живу в Хабаровске.

Являюсь руководителем поэтического объединения «Логос». Пишу песни, стихотворения и малую прозу. В 2018 году выпущен третий сборник рассказов «Тишина. Фрагменты».

Вдохновляют сочетания красок, калейдоскоп событий, окружающий и внутренний миры – все то, что в них происходит.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

* * *

Во всём
Мельчайшее живое.
Во всём
Заветы и урок.

Об этом знают только двое:
Ты и Бог.

К себе внимателен и строг
Владеющий собой.

Он знает, сколь обманчив глаз
И как хитро́ доверие.
Коснись, – и момент угас.
Суеверие?
Но точность эталоном сверена:

За дверью
Вдруг:
– Тук-тук...

* * *

Духовный кризис всех накрыл,
Закатав рукав в акрил.
Теперь, барахтаясь, в желе,
Ты выглядишь, как нежилец.

Размыты очертания твои:
Не видишь счастья и Любви.

* * *

А ты на всех не кивай.
За себя тебе отвечать.
Толпу составляют – не сосчитать:
Щипкова струнами кифара.

Твоя голова на твоих же плечах.
Зачем принимать, доверяясь, чужое?
Потом принимаешься болью качать,
Нуждою.

Беда всегда случается не вдруг,
Как охотно жаждут обмануться!
Надежда о проблеск куций
В испуге совершает трюк.

* * *

В мире странных людей мы живём.
Перестать ли тому удивляться?
Соотечественники падают в ноги иностранцу,
А Человека ловят, чтобы убить, живьём.

Родную речь меняют на чужой язык.
Не многое ли растрачивается впустую?
Беда случилась – и врассыпную.
Разобщённостью
Патриот уже по горло «сыт».

А сколько ты в самом деле стоишь
В пересчёте на отечественную валюту?
Чувствуешь себя уютно?
То есть...?

Колёс ступенчатая передача
Болтается свободно на ремне
Из клемм.

[Только мне
Знать
Являюсь кем.]

* * *

Вокруг – невидимое солнце.

Закрой глаза!

Свет веселится и играет,
И пустяковое смысл теряет,
И я тянусь руками,
Хоть не вижу их!

И Мир, столь любимый
И нелюбимый всеми,
Состоит из ощущений!

И только разум существует в нём
Среди потока теплоты стремлений,
Спрядённых руками Норн.

Я вижу Солнце –
Это настроение
И я открыт навстречу Солнечному дню!

Графит

Начерченное притягивает энергию,
Складывая в Мир.
Потому, вы, желания, и меркнете,
Оттого вы и коверкаете, раздуваясь вширь!

Графика линий и точек фигур,

Обои дней и стены настроений
Рисуют суетливый гурт
Который вряд ли переменим,
Но в дом не впустим, чтоб не топтали,
Не приносили грязь нечёсаными колтунами,
Те,
Чей ум и близко не овален.

* * *

Вода разъедает непрестанно сушу.
Материк распадается на острова.
С небес стихия гнев обрушит,
Их существование разорвав.

Острова чувствуют изоляцию,
Но не знают, как её преодолеть.
Народы вырождаются из нации,
Развлекаясь,
Меньше требуя с себя,
По клевете сжигая «ведьм».

Человек на откуп ненасытности отдан:
Разворотил, разворовал и продал.

Города уходят под воду.

Общество не чувствует себя народом.

* * *

Запах крови, как дурман,
Опасности адреналин.

Интерес увял:
В человеческом обличи
Попробуй, себя застань.

– Наливай! И стакан пододвинь!

Но мы о снисхождении, о милости молим,
Хотя едва ли что-то чтим:
Относимся без уважения
И вглубь не зрим.

Своё жилище озарим,
Включив воду из-под крана.

Мы лелеем свои раны
И нас
Это совсем не ранит.

Иногда

На набережную опершись, как на трость,

Я слушаю свирепый ветер
Земли, где постепенно креп и рос,
Чей голос тих и звонок, и заветен.

Река внизу течёт, играясь,
Лучами солнца, островами –
Природой сотворённый наос:
Нерукотворно сковали.

Взгляд притягивает даль
Ещё не посещённых мест.
По ветру этому скучать –
Такая дань,
Как мечь.

* * *

И мир надводный, и подводный
Оберегает смысл глубокий
В проникновении взаимном.

Кирпичной сложена стена.
Над ней витают херувимы
Строжайше охраняюще Врата.

Свет из окна на небе сером
Труба печная над крышей снега

И хвойный лес суровый спит.

* * *

Небо плачет под твоим окном.
Бездонный взгляд ласкает небо.
Мы по привычке обогнём
Козырьками кепок
Зданий углы.

Тусклý
И взгляды
Изображений:
Из обращения изъяты.

Спит
Преображение.

* * *

Небеса –
Не себя,
Ни себе –
Сам
Иду по дороге к храму
Через души шрамы,
Бросая граммы.

Лужи обходя, не запачкаться бы.
Противоречия рядом 0 праздник и гробы.

Душа о самой себе скорбит.

Но снова,
В который раз,
Вера и надежда
Свет во мне воскресят –
Небеса:
Не себя,
Ни себе,
Сам.

* * *

Когда произносят?
В момент!
По всей видимости спектра
Звук, одолевая километры,
Движет хвосты комет.

На троне Вселенной Патриарх
Воздействует на жизнь земную торсионно.
Он называет поимённо
И держит Мир в своих руках.

* * *

Ночь в руках держит серп.
Как зубы, острая улыбка:
Фонарь ослеп,
И воздух, запахом жасмина липкий,
Заговорит на языке Любви вот-вот.

Земля раскрыла рот:
Горы щербатые на нижней челюсти
Неровно стелятся:

Небо, как плоскость,
Где перемещается закат
На коротких ножках грузно и легко
Желанием объят:
Поспешно-скор,
Утягивая, замедляя время,
И нужен людям,
Как вода – деревьям.

* * *

Свежий воздух, уменьшаясь ощутимо,
Более всего необходим.
Ясность в спокойствии осуществима,
Когда всей душой желая,
Всем сердцем

Воплощения хотим.

И поиск воздуха, как счастья, – в нас,
И мы находим неожиданно, внезапно,
В отложенном на очередное завтра
Мыслью обнаружив скрытый лаз.

Вовремя:
В урочный час.
В полночный час.

* * *

Ограниченность находится не в нас:
Чувствуем себя в моменте мчась.

Быт не может
Быть не может
Почерком:

У каждого терминала
Свой консультант.
А до него – очередь.

* * *

Несовершенно зеркало моё:
Из карлика ваяют великана.

Чувств утраченная икебана
Снаружи кажется сырьём.

Как часто
Людей хороших
За то, что в шаблон
Чужой не вхожи,
Покрывают грязи двойным слоем!

А ведь давно пора усвоить...

Но детский сад, война, веселье –
От скуки и проблем спасенье.

Азартный жар ли от карт,
Или в души насаждается враньё?

Несовершенно зеркало моё:

Великана превращают в карлика.

Но вижу:
Из карлика ваяют великана.

* * *

Отполированы накатанные рельсы:

Приказы поступают сверху.
В доступе свободном – версии
Пьесы:
Как хотим, перед собой вертим
Ритуалом вечерним
Под фоновый шум,
Уйдя в себя поглубже.

Будет ли лучше?
Результат – сложение сумм.

* * *

Нужно уметь находить простор
В скрученности зданий.

Что угодно ты проспорь,
А всё-таки устанем
От суеты и дел, бегов,
От слов или речей,
От доказательств бесполезных
От «Что? Почему? Зачем?»,
От атрибутов
Вся помпезность
И бег становится резвей.

И, обложив свой дом вещами,

В себя мы больше не вмещаем.

Серость

Серое небо
Опустилось туманом на город.

Серое небо.

Нет ни солнца, ни зелени.

Только черные ветки деревьев
Обозначат атолл:
Серое небо
Впиталось в пальто.

Серые души
Выкуривают себя
На дистанции выстрела.

Расстояние – дым сигареты –
Пристально.

Огнем спасительным посветим.

Он кажется огнём болотным,

И плуτούν нередкo
В чужих двойниках.

Ключ от двери к себе отнят:
Намокла хна.

Эта серость, как пыль,
Опустилась туманом на город.
Люди, как статуи, внутри застыли,
И выражение на лицах неживых
С запросами большими и желаниями,
Где пороху не разгореться,
Чтобы разбудить замкнутое сердце...

Миры и города – добровольно сданные,
А что приносят – тотчас от себя отрежь:
Их цели, как вчерашнее свидание,
И горечь –
Увядший букет надежд.

Циклотрон

Электрическое поле
Неизменной частоты:
Я в напряжении дней
Пустых

И в окружении людей
Пустых
Держу траекторию свою.

Ускоряюсь.
Почему?

Словно змею
Ловлю за хвост,
Закрученный восьмеркой,
Намотанный на колесо.

Здесь интерес угас, а смысл – усох,
А слепой привечается как зоркий.

Тяжелые заряженные частицы
В магнитном поле постоянно-однородном.
В депрессии к Свету не пробиться:
Безповоротно.

* * *

Не покладая рук,
Трудись и день, и час,
Цени отпущенное свыше
Время,
Ищи

Возможности:

Они не просят яств,

Не смотрят на родство или богатство.

Они едва стремятся показаться

В начале каждого абзаца,

А дальше –

Для ног руками путь извит

И, порой, не ухватиться,

Но почести после победы

Заслуженно воздам:

В конце вереницы «Кого победить» –

Ты сам.

Не остановиться.

* * *

Я понял тебя –

Это многого стоит.

Это больше, чем вообразить возможно,

Осознать.

Далеко – не смотрят.

Ближнего – не видят.

Наполненные вёдра

Волнением избиты:

Солнце на восходе
Спустится в конце
По занавескам твоих волос.

Взгляд мутностью зарос:
Спорим, но не оспорим.

Всё происходит морем
И канет в море.

Мы – обитатели его.

Открытая форточка – это окно
Сузило до размера мира
Всего одно:
Старый халат постиран.

Крыльцо ног посетителей ждёт.

Разноцветные дома с пологими крышами
Замерли мышью
С сыром в зубах.

Ветками деревьев судьбы в нём.

Заборы, по которым ходят и трещины на асфальте –
Колёса безтелесных фонарей и номерные знаки
Отпевайте!

Загнан

Страх в причёски ворсистого пальто:

Пойдёт, разберёт

Мост разлук.

Только вперёд!

Свобода и смелость

Учит тебя

Всё, что вокруг.

* * *

Человек – причина событий

В большом и мелком.

Жизнь проскочила мельком.

Где же трофей добытый?

Он пройдёт, торопясь, оставляя шаги,

По своей колее, не отвлекаясь.

Нещадно побивай, тьму эту жги,

Отсекай от идеально скрытого в тебе лекала!

И слово сказанное, и поступок сделанный

Брешь рождает или брешь заделывает.

* * *

Что существует? Мы не знаем.
Но верим, что идём к чему-то,
Названному словом «чудо».
А существует? Мы не знаем.

* * *

Через характер – к человеку,
Его поступков утверждение
На философские вопросы
Нам приоткрытые на миг.
И что почерпнуто из книг,
Выкладывает ту реальность,
Но искажения идут:
Мы видим новые Пути.

* * *

Нитка стынет на ветру:
Я от огня,
Я – от огня.

Понять –

И всё закручено в спираль:
И часть меня,

И часть – меня

Не поменять.

* * *

Улицы, как фонари.

Улицы в фонарях.

Вход в потайное приоткрыт:

Нас озарят.

Ставни делают уголок.

Ставни стоят в планке.

Маскарад меня увлѐк,

Показал изнанку.

Жар остывших домов

Перешѐл в рассвет.

Я – здоров:

В прошлом меня уже нет.

* * *

Пусть пылает всё, что пылало!

Даже пепел подобие пороха и праха.

Поиски ненайденного идеала

Ведут к росту, а в конце – на плаху:

Что, кроме жизни, Мир может дать?
И кроме разновидностей её?
И в чём мне выразить себя и кем мне стать,
Чтобы перейти из бревён топкую гать..?

Утро снова настаёт.

Пробуждённые

Мы проходим мимо.
Нас не слышно.

Тихо листья шелестят.
Тихо дети спят в кроватках.
Ночь
Приглядывает
За порядком.

Им снится конфетный шоколад,
Игрушки
Войной увлекут, ошеломят.

А мы проходим медленно и тихо,
Чтоб звук шагов сие не помешал,
К Вечному, под энергий шквал,
Путем Духовным –

Путем мистическим,
На выход.

Автор обложки – Дмитрий Раевский